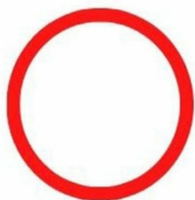
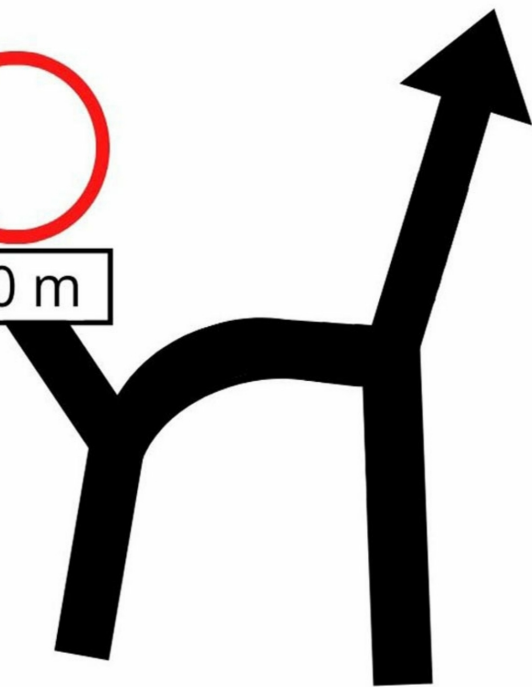

РОМАН ЗИНЗЕР

90 m

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА
С СОБАКОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Зинзер
Записки путешественника
с собакой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57337750

SelfPub; 2020

Аннотация

Травелог писателя о поездке из Москвы в Прагу и обратно с его бордер-колли по имени Чарли. Содержит нецензурную брань.

Я иногда жалею, что ни ночи не провел в тюрьме. Было бы, о чем писать. И к проституткам я ни разу не ходил. И на войне не был – свой единственный шанс стать новым Ремарком или Шолоховым я профукал. Ну как профукал? За свои же деньги я от армии откупился. У меня был друг, у которого был друг, у которого мама работала в военкомате. Так вот этот друг сказал, если я ему дам 70 тысяч рублей в нужном месте в нужное время, а потом схожу в нужную больницу за документами, то чаша получить поутру кирзачом по морде меня минует. 60 тысяч рублей у меня было, мама дала, которая тоже не видела во мне героического описателя боевых действий. Деньги я отдал другу и стал ждать. Друг скоро сказал, что мне нужно явиться в такую-то поликлинику и зайти к врачу Х. Там мне всё объяснят. Я сходил. Х. был рентгенологом, и он выдал мне снимок позвоночника. «Моего» позвоночника, который на снимке напоминал букву U, положенную на бок.

– Сколиоз второй степени. Точно не годен, – сказал Х.

– Спасибо, – я взял снимок и вышел из больницы.

В военкомате специальная женщина посмотрела на мой снимок, на меня, опять на снимок, все поняла и кивнула. Она задала только один вопрос, который я помню до сих пор:

– Размер шапки знаете?

Будь я писателем любовных романов, здесь стояла бы фраза: «внутри у меня все сжалось после этого вопроса», но так как про любовь я писать не умею, то скажу так. Я вдруг испугался, что я к армии годен и сейчас меня загребут в армейку, и нюхать мне целый год портянки, спать в бараках на сто человек, жрать труху, получать костылей от дедов... Размер шапки? Какой к черту размер шапки? Я даже не знал, что у шапки бывает размер.

– Не знаю, – ответил я.

Женщина посмотрела на мой череп и что-то записала в своей бумажке.

– Значит второй размер.

Второй. Ну хорошо хоть второй. Только что это теперь значит? Второй. Я годен? С вещами на призывной пункт завтра к 9 утра? Вот же зараза мой друг. Еще и 70 тысяч утянул. И Х. тоже зараза. Подсунул липовый снимок.

– Вот тут дата, – сказала женщина-рекрутер и протянула мне какую-то бумажку, – придете за военным билетом.

– И все?

– Ну да, все.

Так я стал негодным к военной службе, узнал свой размер шапки и поставил крест на карьере военного писателя. К чему я это все говорю? К тому, что писать мне не о чем. Я учитель английского языка, меня зовут Рома, мне тридцать лет, я живу в Москве в съемной квартире и ужасно люблю писать книжки. Seriously, я тот еще графоман. Дайте мне чайник,

и я придумаю ему драматическую судьбу. Вот прямо сейчас передо мной стоит банка сгущенки, и я уже вижу, как эта банка может стать орудием пролетариата, может быть запущенной в голову полицейскому в ходе народного бунта, и как кого-то арестуют и посадят в тюрьму за эту банку сгущенки. Все. Поломана судьба человека. Только одна есть в этой истории проблема. В тюрьме я никогда не сидел и понятия не имею, что там внутри происходит. А значит и книжки никакой не получится.

Нет, живу я не один и с ума не схожу. У меня есть Настя (но, думаю, она будет против такой вот владельческой формулировки) – главный скрашиватель моих будней, и с недавнего времени у меня есть собака. Пес Чарли, которому сейчас стукнуло ровно шесть месяцев. Чарли – это черно-белый бордер-колли, резвый, умный и вечно голодный. Интересно, что мне скажет мой квартирный арендодатель, когда узнает, что теперь в его квартире живет пес, который жрет все: от обойного клея до кирпичной кладки?

И еще одна важная штука, прежде чем я перейду к самому рассказу. Иногда я бегаю. Я люблю бегать. И еще я люблю ездить. Все наши с Настей деньги мы спускаем на поездки и, наверно, именно поэтому живем в съемной квартире. Так вот, вся эта небольшая книжка будет о поездке. Одной поездке на машине двух человек и одной собаки из Москвы в Прагу и обратно. Путь незамысловатый, это я понимаю, однако я уверен, мои сногшибательные писательские навыки

даже такую банальность заставят сиять алмазом на солнце. Впрочем, хватит мне кривляться.

На самом деле у этой нашей поездки и этой книжки есть высшая цель. Точнее так, у поездки цель одна, а у книжки другая, но они связаны. Сейчас поясню. Давным-давно у меня была мечта пробежать марафон. И пару лет назад я его пробежал. Потом ее раз и еще раз. Все эти разы были в России, в Санкт-Петербурге. И вот в этом году у меня появилась новая цель. Пробежать этот марафон за границей. Прага лучше всего подходила по датам. Да и любимы с Настей Прагу. Это цель нашего путешествия. Цель же этой книжки несколько в другом – мне нужны деньги. Чтобы путешествовать, нужны деньги, а я намерен продолжать это свое увлечение. Чтобы писать, тоже нужны деньги, ведь когда ты пишешь – ты не работаешь, и это, я так скажу, занимает огромный кусок непрерываемого времени. И моя собака очень прожорлива, об этом я уже говорил. Чтобы ее кормить – тоже нужны деньги. Поэтому эта книжка – мой способ заработать денег на мои путешествия. Если кто-то вдруг подумает, что я пишу ради удовольствия – нет. Удовольствие для меня – это лежать в гамаке с гавайской гитарой, в мексиканском сомбреро и ничего не делать. Или смотреть в телескоп где-нибудь в Гонолулу и записывать свои наблюдения в толстую клетчатую тетрадь. Но ни того ни другого я пока не пробовал и не знаю наверняка, стоит ли овчинка выделки. А в самом писании нет удовольствия. Я пишу эти записки

только ради тех четырнадцати копеек, которые они, записки, мне принесут. Так что спасибо, что купили эту книгу. С предисловиями конец. Перейду к сути.

P.S. Я тут подумал. Вот я рассказал о том, как откосил от армии. А что, если в один из прекрасных дней мне придет в голову стать политиком или, тем паче, президентом моей родной страны? Ведь это же всё. Первый и последний гвоздь в крышку моей возможной политической карьеры.

(Пауза)

(Вздых)

(Еще более долгая пауза)

Эх, ладно. Черт с ними с карьерами и долгами Отчизне. Зато теперь, как мне это видится, я свободен от всякой конъюнктуры моей (России) или какой-либо другой страны, которая всплывет в этой моей небольшой истории. Я не собираюсь в политики, на том свете видел я всю эту дрянь. Все мои оценочные высказывания здесь и ниже есть лишь мое мнение. Возможно, оно неверное, я, скорее всего, ошибаюсь во многих вещах, но ошибаться я готов только из-за своего невежества, и по возможности без оглядки на популярные мнения. Всё. Теперь точно всё. Заканчиваю самолюбоваться и начинаю отмечать километры пути.

Я очень боюсь гаишников. Нет, не то чтобы я вот именно

боюсь. Дело в том, что по автомобильной части у меня вечно где-то непорядок, а значит, каждый раз, когда меня тормозит доблестный страж автозакона, я потею и заикаюсь – сейчас он накопает на меня неоплаченных штрафов, так что придется торчать в ДПСной машине три часа, чтобы заполнить все повестки в суд по такому важному делу. Или увидит, что номер у меня висит на скрепке и заставит его прикручивать по новой, или еще что-нибудь. Я постоянно забываю права дома. Я постоянно просрачиваю (я знаю, как пишется это слово) страховки. Как-то раз у меня был совершенно безвыходный случай, юридическая коллизия, кажется, так это называется.

Запарковался я, как обычно, у дома. Хотел зайти, съесть бутерброд и поехать дальше. Нарисовалось у меня пятнадцать лишних минут. Бутерброд был с маслом и селедкой. Очень вкусный, раз я до сих пор помню его ингредиенты. За эти пятнадцать минут мою машину эвакуировали. Оказывается, за день до моего бутерброда у меня возле придомовой парковки повесили знак, что, мол, со дня на день тут будут менять бордюры (точнее так, переворачивать их с одного бока на другой, чтобы прогревались равномерно – именно так шутят москвичи по поводу ежегодных бордюрных эпопей в Москве). Да, менять бордюры, которые уже меняли в прошлом году и поэтому, пожалуйста, тут не паркуйтесь, увезем. Я знака не увидел. Хотя может я его и видел, но как обученная, но грустная собака Павлова я последовал за своими

условными рефлексами и запарковался там, где нельзя. Машину увезли. Так бутерброд с селедкой встал мне в восемь тысяч рублей и полдня жизни. Но это не суть моей истории. Дело в том, что за день до случая с эвакуацией, у меня кончилась страховка. Я всегда забываю ее продлить. А чтобы получить мою машину обратно из плена, мне надо со всеми документами ехать в местную ГАИ, получить там штраф и разрешение на получение машины со штраф стоянки. «Все документы» включают в себя и страховку. Без нее машину не вернуть. Поэтому я сразу пошел в страховую. Время платить. Но нет, оказалось, что в страховой не хотят моих денег.

– У нас с этого года новые правила. Вы зарегистрированы не в Москве, поэтому страховку мы вам можем оформить, только если вы приедете к нам с машиной, и мы ее осмотрим.

Что правда, то правда. Регистрации в Москве у меня нет. Лимитчик я. Понаехал из города Оренбурга.

– Но у меня машину эвакуировали, и без страховки я не могу ее оттуда забрать, чтобы показать вам, чтобы вы ее осмотрели.

– Я даже не знаю, как тогда я могу вам помочь, – сказал мне парень-менеджер. Я чертыхнулся и вышел.

Да, чтобы получить машину со штрафстоянки нужна страховка, а чтобы получить страховку нужна машина не на штрафстоянке. У меня опустились руки тогда. Помогла Настя.

– Может отфотошопить? У тебя же есть старый полис?

Старый страховой полис у меня был. Электронный, который через фотешоп открываться никак не хотел – всплывало окно, что на файл установлена специальная защита. Руки мои опустились во второй раз.

– Скриншот сделай с полиса и это изображение уже и фотешопь, – сказала Настя.

И ведь сработало. Гаишники и усами не повели, что страховка моя была липовая, вернули машину как миленькие. Я потом по этому полису полгода еще ездил. Вот. Кажется, второй раз на трех страницах этой книги я публично признался в правонарушении. Конец мне. Хотя может же так быть, что эти правонарушения я придумал? Может. А значит продолжу.

Чтобы куда-то доехать, нужна машина. У нас машины две, Опель и Опель. Мой Опель постарше, он битый со всех сторон, царапанный, треснутый, я сбивал на нем мотоциклистов (сами виноваты), меня цеплял прицеп от фуры (я тут тоже не причем), Настя въезжала на нем в столб, когда училась водить и невзначай перепутала педали. Или это все же был я? Не помню. Мой Опель за свою долгую жизнь натерпелся уже столько, что дальние путешествия ему были противопоказаны. Нет, не потому, что он бы не доехал, нет. Просто пограничники очень бы удивились, как это нам хватило наглости ехать к ним в гости на машине, у которой мятый бампер (тот самый настин столб), оторванная антенна (это какой-то зимой с фуры слетел снег прямо мне на крышу) и неоткры-

вающийся багажник (я честно не знаю, что же случилось с багажником, а ремонтировать мне его дела все не было).

Поэтому те самые две тысячи километров с чем-то до Праги мы решили проехать на машине Насти – Опеле Корса, маленькой малолитражке, бледно-зеленого цвета (наверно, у этого цвета есть отдельное название, но я привык оперировать только семью цветами радуги, черным и белым, лишь добавляя к ним эпитеты вроде «светлый», «темный», «яркий»). Корса, она же Зяблик или Зяб, как мы ее называли, тоже была царапаная, но у нее все работало, и все открывалось. Пограничники бы носа не подточили. Впрочем.., впрочем, как это у меня часто бывает, одна проблема у машины нашей все же была. Зимние колеса. Да, стоял месяц апрель, который вот-вот должен был перейти в месяц май, и на Зяб-лике были зимние колеса. Поменять на летние я их забыл. Точнее даже не так. Не забыл. Поленился менять – ведь это же какое убийство времени – ехать в гараж к дальнему другу за моими колесами, ждать в очереди на шиномонтаж, везти летние колеса обратно к тому же дальнему другу. К черту это! Так проедем. Колеса у нас зимние, но не шипованные, а значит, проблем не будет. Без шипов поляки пустят.

– А лампочку ты поменял? – спросила меня Настя за пару дней до отъезда.

– Поменял.

У Зяба постоянно перегорал ближний свет. Дело в том, что давным-давно Зяб хорошенько трянуло на суровой до-

роге, и одна из лампочек выпала из пазы и немного прожгла пластик фары. Лампу я поставил на место, но саму фару менять не стал. И теперь из-за этого прожога после дождя левый глаз Зяба конденсировал влагу, и свет переставал работать. Лампа шла под замену. Из раза в раз лампу я вставлял новую, но светила она недолго.

Надеюсь, до нашего пересечения белорусско-польской границы дождей не будет. Говорят, погранцы иногда проверяют, все ли фары работают у въезжающей машины.

Прага – это первый город в Европе, который я посетил. Прага – это первый город за рубежом, куда я поехал вместе с Настей. Теперь у нас есть Чарли и Прага будет первый городом, куда отправится наш пес. Нет, мы будем останавливаться в городах по пути, но ведь именно Прага – наша главная цель, а значит отсчет надо вести от нее. По всем этим причинам у меня особое отношение к Праге и Чехии.

«Особое отношение» звучит как клише, которое не имеет никакого смысла. Скажу так. Я был в Риме и был в Праге и, если меня спросят, куда я хочу поехать вновь, я сначала назову Прагу. Я был в Праге и никогда не был в Мадриде. Куда я хочу больше поехать при таком раскладе? Наверно, в Прагу. В Мадрид я поеду, только если карта поехать в Прагу никак не ложится – дорогие билеты, холодрыга в чешской

столице, либо что-то еще. У Праги есть красота и трагедия – 71 год знают, думаю, все. В Мадриде красиво, но никакой очевидной трагедии мне на ум не приходит. А ведь именно такое сочетание есть лучшее, чтобы возвращаться в какое-либо место снова и снова. Кто бы поехал в Верону, если бы Джульетта осталась жива?

Весь наш путь к моему марафону – сначала простой, а потом начинает петлять: Москва, Минск, граница в Бресте – мы пилим, пилим по прямой тысячу километров. Дальше мы в Польше: городок Замость, Краков, словацкие горы Татры, Брно, Прага. В Праге я бегу свой марафон, отдаю концы и меня хоронят в любимом городе Земли. Если я все же справляюсь с дистанцией, то на следующий день мы возвращаемся в Польшу – во Вроцлав, потом в Варшаву, Минск и домой. Как посчитала моя карта – итого 1000 километров, Четыре-о стороны, не считая России, две недели пути и 10 мест для чевок. Надеюсь, Зяб справится.

Расскажу про Чарли. Собаку я хотел давно. Хотел, хотел, и как это бывает, ничего кроме хотения не происходило. Настя тоже хотела собаку, и проявлялось это сильнее. Она смотрела инстаграмные посты про собак, она отправляла мне время от времени смешные видео о щенках, она же махала рукой и широко улыбалась всем мимо проходящим шарикам.

Я был спокойнее и виду не подавал – ведь мы же московские лимитчики, как так завести собаку без своей жилплощади, кто с ней будет гулять? Кто ее будет кормить? Она же все сожрет, она все обгадит, она все покроет толстым слоем шерсти. Все будет вонять псиной. Мы сами будем вонять псиной. Да, все так. С появлением Чарли, у нас дома теперь всегда есть шерсть, на полу вечно что-то скрипит и перекатывается, обои подраны, на стульях и прочей мебели отметины от зубов, пахну я.., хотя откуда мне знать, как я пахну. Но, как сказал один из классиков, честно даже не помню какой: «Хорошие люди потерпят вас и с запахом лука изо рта, а те кто не потерпит – к таким и идти не надо». Возможно, это даже был не классик. Возможно, это я сам придумал. Хотя, даже не запах, шерсть и прочее было главной причиной моего растягивания резины в деле заведения собаки.

У меня была аллергия. На котов. Я совершенно точно знал, что от котов я чешусь и плачу. Коты от меня тоже. Я ведь препод английского и время от времени мне приходится вести занятия в домах моих студентов. Иногда у моих студентов есть коты. Обычно одним занятием такая учеба с котами и заканчивались.

Теперь вопрос. Что делает нормальный человек, когда знает, что у него есть аллергия на кошек, и он хочет завести собаку? Идет и сдает анализы. Но это не наш путь.

– Анализы мы всегда сдать успеем, – сказал я Насте. – Сначала надо пообниматься с барбосами.

– Тут выставка скоро будет. Собачья. Можем сходить. Посмотрим, как это тебе будет, – сказала Настя. – Там будет много собак, все ароматные, флюиды, шерсть, аллергены, все такое.

Хорошо. Так мы решили пойти на выставку собак. Да, чтобы понять, есть у меня аллергия или нет. В Питере. Почему в Питере? Потому что в Москве выставок в ближайшее время не намечалось, да и все равно мы с Настей собирались в Питер. Есть у нас такая традиция. Раз в год ездить в Питер и есть чебуреки. Однако, это другая история.

Еще до нашей поездки на выставку я умудрился однажды пристать к моей студентке-надомнице, и попросить разрешения взять на руки ее зверя. Студентку звали Лариса. У Ларисы с недавних пор жил-был маленький смешной и белый как зарплата в Газпроме пес Гарри. Я не знаю, что Гарри был за порода, но выглядел он точь-в-точь как помесь болонки и шпица. Лариса просьбе удивилась, но позволила потискать Гарри. Я взял собаку на руки, поднес к лицу, обнял и поставил на место. Гарри тоже теперь выглядел удивленным. Потом я потер руками свои глаза. Ничего. Нет слез. Неужто, нет у меня собачей аллергии? Сигнал был хороший, но его надо закрепить. Так мы поехали в Питер, на выставку собак. Закреплять результат.

Как все знают, Петербург – это дождь и лютый пронизывающий ветер и холод, но пару дней в году и там бывает приятно. Мы поехали летом и, конечно же, попали под дождь.

Сильный и долгий питерский дождь. Летняя жара сразу спала, стало прохладно. До выставочного центра топать было километра три от метро. Нет, мы могли бы взять и такси или найти какой-то другой транспорт, но мы были туристами, путешественниками, а путешественники, как советские люди, на такси не ездят. Путешественники ходят. Поэтому мы шли, шли до выставочного центра на Васильевском острове и мокли.

– Знаешь у Дэвида Боуи есть песня и там строчка такая есть: «Было холодно и дождливо, и я чувствовал себя как будто я актер в фильме» Вот и мне кажется, что мы сейчас как актеры под дождем идем, а нас сбоку камера снимает. Фильм о любви, но печальный, – сказал я Насте.

– Твой Дэвид Боуи пусть лучше клеит обоуи, а нам бы найти, где дождевики купить», – сказала она.

Дождевики продавались в киоске по пути. Сорок рублей за штуку. Они были огромные, сине-белой расцветки, мы в них оделись и стали похожи на две банки сгущенки.

– А мы какую породу смотреть будем?

– Не знаю, – ответила Настя.

– Чтобы я бегать с ним мог. Беговой барбос нам нужен.

– Тогда наверно, корги нам не пойдет. Лапки то у них совсем от земли не видно.

– Ты корги хотела?

– Не то чтобы хотела, – сказала Настя. – Но корги мне нравятся.

– Лабрадор?

– Да, лабрадор мне очень нравится. Белый?

– Белый.

– Значит лабрадор, – сказала Настя.

Вход на выставку стоил триста рублей. Мы купили билеты, вошли и стали ходить и смотреть. Кругом были псы, псы, в клетках, без клеток, они танцевали, они ходили, они пахли, а мне было хоть бы хны. Нет аллергии. Нету!

– Какие же они здоровые, – сказала Настя.

– Кто?

– Лабрадоры.

– Ну-у, да.

– А кто еще есть? А то я совсем пород не знаю.

– Мне овчарка нравится.

– Тоже очень большие.

– Тут же дело не в размере... Да и вообще, если у меня аллергия, то выбор наш будет очень ограниченный.

– Так нет же у тебя аллергии. Вон сколько собак кругом, а ты как огурчик, – сказала Настя.

Аллергии у меня не было. Потом, когда мы вернулись домой, я сходил в заведение по сдаче анализов и там мне сказали, что переживать не о чем. Но лабрадора мы не завели. Слово за слово, форум за форумом и белый лабрадор отошел на задние планы, приюты бездомных собак тоже – может быть, потому что мы с Настей бессердечные, может быть, по другой причине. Мы купили бордер-колли – может быть

потому, что Википедия говорила, что это самая умная собака, может быть потому, что в детстве я слишком много смотрел фильм «Бейб» – бордер-колли там был одной из главных действующих лиц. Не знаю, почему мы купили бордера. Никакой смешной и оригинальной истории с появлением Чарли у меня не придумалось. Ни в жизни, ни для этой книжки.

Когда мы выходили грузиться в машину, чтобы ехать в дальние дали, у нашего подъезда сидели алкаши. Это были наши привычные алкаши района Южное Чертаново, они сидели здесь почти каждый день и пили пиво. Когда шла какая-нибудь важная футбольная игра, они вытаскивали из окна первого этажа телевизор с длинным проводом, подвешивали над телевизором зонт от неожиданного дождя и наслаждались. Настоящих имен наших алкашей я не знал, но каждому из них у меня было прозвище.

Сегодня алкаши просто сидели и пили. Было утро, восемь или девять утра – мы с Настей решили выспаться перед дальней дорогой и рано не ехать. Алкаши поздоровались с нами, а я почему-то вместо привычного «Здрасьте», сказал «Хеллоу».

Один из алкашей, я за глаза зову его Аденомой, поднял голову и посмотрел на нас, а потом на наши баулы.

– Хеллоу было вчера. А сегодня хероу, – сказал он.

Мы улыбнулись и пошли к машине.

– Мне бы остроумие Аденомы, – сказал я Насте.

Аденомой я зову этого подъездного дядьку без особой причины. Просто так сложилось. Наверно у него есть какие-то проблемы со здоровьем – у него постоянно красное опухшее лицо и большой-пребольшой живот, но вряд ли это связано хоть как-то с функцией его предстательной железы. Аденома – нормальный товарищ. Безобидный. Разве что пьет много и все время болтается возле подъезда. Надо будет узнать о нем побольше.

– Я вернусь еще на Чарли документы взять, – сказала Настя.

Документов у Чарли было два – бумажка для белорусских пограничников и бумажка для польских – обе нам пришлось получать с боями. Точнее даже не так. Сами бумажки достались нам легко и просто, но сам путь к их получению оказался тернист и очень такой российский путь – когда ничего не работает как надо, но люди тебе попадаются чаще хорошие, и общими усилиями вы преодолеваете все препоны. Если люди попадаются плохие, то по получении денег они тоже становятся хорошими, и любая проблема взаимоотношений маленького человека и государства решается путем игнорирования государства и его правил.

– Ну а что, тут все просто, – сказал нам ветеринарный врач нашей местной клиники – лысый дядька с волосатыми руками и козлиной бородой по фамилии Лось. – Сейчас – чип,

потом прогоним глистов, через неделю – уколем от бешенства, а через месяц и все справки сделаем. Вы просто ко мне снова запишитесь, и мы все задокументируем.

Мы позвонили в клинику записаться, но доктор Лось в этот день был занят, а других врачей то ли не было, то ли справками они не занимались. Мы поехали в другую клинику.

– Вам на выезд в Шенген? – спросила нас женщина-врач. Голос у нее был уставший, а руки поцарапаны. Тяжело это наверно быть ветеринаром в государственной клинике. Хотя, с другой стороны, наверно, чтобы стать ветеринаром, надо действительно любить животных. Чтобы стать человеческим врачом, любить людей совсем не обязательно. Даже скорее наоборот. Так мне иногда кажется. Ладно, не отвлекаюсь.

– Да, нам бы справку, – сказала Настя врачу.

– У нас Интернета нет сегодня. А без Интернета я не смогу проверить ваш чип и заполнить документы.

Я надул было щеки, приготовил в голове речь мол «какого лешего, мы тащились к вам, мы записывались, мы нашего Чарли таскали к вам сюда...», но ветеринар просто посмотрела на меня грустными усталыми глазами. Я посмотрел на ее расцарапанные руки. Да, она права. Она здесь ни при чем. И я явно был не первый, кто собирался или уже успел на нее наорать за этот несчастный Интернет.

– Вы если сможете Интернет раздать, то я попробую все

сделать. Я просто сама не знаю, как все это настроить с телефона.

Вот и нашлось решение. Интернет мы настроили. Бумажку напечатали и подписали. Спасибо хорошему доктору, имя которой я не запомнил.

Следующие, самые важные справки выдавалась в центре Москвы, в небольшом закутке под названием «ветеринарный контроль сельхоз министерства». В закутке сидело два человека – мужчина, который что-то печатал за компьютером и женщина, которая говорила по телефону.

– Да говорю вам, приезжайте, втиснем вас в очередь, – говорила женщина в телефон. Она жестом попросила нас с Чарли сесть и подождать. Мы поджали хвосты, сели и стали смотреть в пол. Министерство все-таки. Хоть и закуток.

– Какая у вас страна? Грузия? Ну тем более приезжайте, Грузия – это быстро. Там не то, что документы не смотрят, там даже под хвост собакам не заглядывают.

Мужчина перестал печатать и повернулся к нам с Чарли. Мы были в этот раз вдвоем. Настя была на работе. Я передал мужику все чарлины талмуды, и он снова стал что-то печатать.

– Приезжайте. Ну или в аэропорт езжайте, только скажите там, что завтра у вас выезд, и они вам все оформят, – продолжала женщина в телефон. Да, именно что завтра. Если скажете, что в субботу, то они вам фигу покажут. Да, могут. И не просто могут, а обязательно покажут.

Женщина положила трубку и посмотрела на Чарли. Он уже успел освоиться, обнюхаться и решил познакомиться с телефонной женщиной.

– Ну и кто к нам тут пришел? – спросила она.

– Чарли.

– Куда вы едете сэр Чарли?

– Польша. И до Праги.

– Через Брест поедете?

– Туда – да, обратно – Бобровники.

– На Бобровниках говорят, ветеринар пограничный пьет.

Белорусский. Жена ушла.

– Это нам усложнит процедуру? – спросил я.

– Да нет. Он вообще редко показывается. Скорее всего, так проедете. Глянут бумагу и вперед. У поляков построже. Но, может, это все слухи.

Женщине вновь кто-то позвонил, а мужик попросил меня ответить на несколько вопросов о Чарли.

– Знаешь, что я тебе скажу? Хрен редьки не слаще, – сказала женщина в телефон и сбросила звонок.

– Чего? – спросил мужик и оторвался от компьютера.

– Хрен редьки не слаще, – повторила женщина, и мужик кивнул, как будто понял, о чем идет речь.

Справки нам сделали быстро – последний этап прошел хорошо. Э-э, нет. Не хорошо. Сразу после справок, мы с Чарли поехали гулять в Битцевский парк – это такое место, в Москве, где парк выглядит почти как лес, и сразу после про-

гулки моя машина не завелась. То ли я забыл выключить фары и сел аккумулятор, то ли еще что – мои знания об устройстве машин начинались и заканчивались заменой колеса, масла и провода от телефонной зарядки.

Да, машина не завелась. Дом наш находился в двух остановках метро, но на метро мы не поедem. Чарли еще ни разу не был в метро, я не знаю, как он отнесется к этой штуке. Так дойдем. Руки в ноги и дойдем.

По пути нам повстречалась немецкая овчарка и ее хозяйка. Овчарка была хорошая и добрая, и Чарли был не прочь с ней поиграть, но мне хотелось домой, я хотел пить и был расстроен из-за машины.

– Пойдем Чарли, пойдем, – сказал я и потуже перехватил поводок. – Это не твоя весовая категория.

Мы ушли, а Чарли еще долго оглядывался на овчарку, а я на хозяйку овчарки. Она была очень толстая и с грустными глазами. Мне стало стыдно.

– Ведь я же про собаку это, что не твоя весовая категория, – сказал я Чарли. – Про собаку. Не про хозяйку. Она-то ведь хорошая. Вон у нее пес какой хороший.

Чарли посмотрел на меня и побежал дальше насколько ему позволял поводок. Я забыл про сломанную машину и занялся самокопанием.

Пока Настя и Чарли садятся в машину, упаковываются, пристегиваются, я в последний раз отвлекусь от описания нашего путешествия, которое еще даже и не началось и напишу заметку о моей стране. Немножко русофобскую, как подумают некоторые, хотя мне кажется, что наоборот, преисполненную любви и обожания к той территории, которую отграничили столбами и паспортными контролями и на которой мне довелось родиться. Так вот, я живу в Москве в районе Чертаново и каждый год я провожу социсследование. Очень важное. Макиавелли и не снилось.

Каждый год возле моего дома местные жители протаптывают в стороне от тротуара тропинку – короткий путь через дорогу. Коммунальщики ее перекапывают, в надежде, что больше по ней ходить не будут и срезать путь тоже не будут. Но каждый год результат один и тот же – люди начинают ходить по бокам перекопа, и к концу лета тропа становится шириною в реку.

И вот я думаю, когда вместо того, чтобы воевать с мельницами и ловить сачком ветер, местные власти сделают из тропинки дорожку и подрисуют к ней зебру через дорогу? Ведь ни разу еще подобный перекоп проторенной тропы не помогал. Ни разу перекопанная тропинка не останавливала поток людей по ней ходящих. Я таких случаев не вспомнил.

Наша первая остановка – Бородино. Мы много раз проезжали мимо этих мест, где Кутузов наставлял палок в колеса Наполеону, или же наоборот – где Наполеон надавал хороших лещей господину Кутузову, тут как посмотреть, но сегодня решили заехать. Сто двадцать километров от Москвы, Чарли уже явно устал колотиться в машине. Можно и проветриться.

Мы остановились на большой пустой парковке. Вокруг – ни души. Сбоку стояло красивое здание, видимо музей Бородина, впереди было поле с монументом на холме. Местность была ухоженная. То тут, то там торчали таблички-указатели достопримечательностей, но поле было настоящим, не газон с зеленой травкой, не асфальтированные дорожки с заборчиками по бокам, от которых тошно, а просто скошенное поле. Не под корень скошенное, а больше так, для виду.

Чарли вылез из машины и начал чесаться – стоя, а стоя он делает это очень смешно: поднимается задняя нога и начинает скрести живот, причем чаще по животу он не попадает и чешет воздух.

– Мотоцикл заводит, – сказала Настя про Чарли. – Я думала, тут патриотичнее.

– Туравтобусы, китайские туристы и танки на постаментах?

– Да.

– Вон танк стоит, – сказал я и тыкнул пальцем вдаль, где в поле стояла тридцатьчетверка, – А так-то рано еще. Думаю, туристов тут много. Да и День победы скоро.

– А как связано Бородино и День победы?

– Как-то связано. Сила русского оружия, обогренившего кровью.

– Вот поэтому я и не люблю по таким местам ездить. Напыщенно слишком и не в таком духе что: «тут случилась трагедия и больше такого с нами не будет», а скорее «вот вам выкусите. Сунетесь, повторим». Но.., но тут ничего так. Можно погулять.

Мы отпустили Чарли бегать по полю без поводка, он быстро понял, какая свобода ему привалила и умотал вперед, прямо на холм. Мы пошли за ним. Людей кругом как не было, так и нет.

– Вот тут Болконский и схватил флаг, – сказал я.

– Ты слишком много книжек читаешь. Оторван от жизни, – сказала Настя.

– Как думаешь, Толстой ездил сюда на поле, прежде чем писать свою «Войну и мир»?

– Зачем? Ну поле и поле. Как любое поле. Французы слева, русские справа.

– Ведь ему надо было проникнуться, вдохновиться?

– Вот ты вдохновился?

– Не знаю.

– Только подростки вдохновляются. Тут надо было просто сесть и написать.

– Я знаешь, что думаю. Толстой писал свою «Войну и мир», который сейчас школьники мучатся, через пятьдесят лет после событий. Это как если я сейчас сяду писать о Великой Отечественной. Что я знаю об этом? Да ничего я не знаю. Все выдумывать придется или тырить у мутных историков и таких же мутных описателей того времени типа Шолохова. Почему в «Войну и мир» так вцепились? Из пальца ведь высосано. Хоть и масштабно высосано.

– Думаю все дело в бороде. Человек с такой бородой не мог написать ерунду, – сказала Настя и поймала Чарли. Тот носился как угорелый – поле было большое, было прохладно, а на скошенной траве еще не прошла роса. Самое лучшее утро для нашего пса.

– Клещ, – сказал я и снял с белой гривы Чарли мелкого коричневого монстра и показал его Насте.

– Он такой мелкий? Никогда раньше не видела, – сказала Настя.

– Очень мелкий. Не заметить просто так.

– Пойдемте отсюда тогда. Какой страшный, – сказала Настя. – Пойдемте. Блин, клещи. Что же теперь проверять каждый раз Чарли?

– Значит проверять, – сказал я, раздавил клеща ногтем и выбросил. Это был самый первый звоночек проблемы, которая нас будет преследовать всё путешествие.

Пока мы гуляли, на парковке появилась еще пара машин, большой серый фургон и дворник, который был занят тем, что опустошал урны в свой большой мусорный пакет. Машины были без людей, а возле фургона стояло несколько полицейских.

– Это коневозка, – сказала Настя.

– А где конь?

Конь появился из-за фургона. Он был большой, стройный, серый, очень статный и красивый. Его вел под уздцы один из полицейских.

Настя вопросительно посмотрела на меня.

– Ну откуда я знаю, что тут делает конь в такую рань? – сказал я. – Может тут так установлено, что полицейские на конях Бородино патрулируют.

Полицейских было пятеро. Один из них держал коня, другой открыл повозку и предложил жестом коню проследовать внутрь. Конь встряхнул головой и внутрь не пошел.

– Это может быть интересно, – сказал я.

Полицейские попробовали еще раз пригласить коня в фургон, но тот отодвинулся еще дальше. Один из полицейских ушел и через минуту притащил самодельный трап из сколоченных досок и приставил его к фургону.

– То есть теперь по трапу, конь должен зайти? – спросила Настя.

– Это лошадь, – сказал я.

Чарли смотрел неотрывно. Лошадь он видел впервые и

немного боялся. На каждый шаг большого животного Чарли нервно вдыхал.

– Это всего лишь большая такая собака, – сказала Настя Чарли и погладила его по щеке.

Трап установили покрепче, и коневод отвел лошадь подальше для разбега, и попробовал загнать ее в коневозку. Почти получилось, но в последний момент лошадь сошла с трапа и в проем фургона не попала. Коневод попробовал сделать то же самое дважды, но каждый раз лошадь сходила с трапа.

Дворник перестал собирать мусор и тоже уставился на эпопею с лошастью. Он стоял близко к нам, и я решил с ним поговорить.

– Всегда так с конем? Приманили бы чем-нибудь, – сказал я.

Дворник пожал плечами и поставил мусорный пакет на землю.

– Это лошадь. Не конь. Хельга зовут. Она здешняя, ее это.., на праздники в Москву переводят.

– Какие праздники?

– Ну майские-хуяйские, какие еще, – сказал дворник и сплюнул точно в урну. Семен пьет, прислали вон сопляка, будет на Хельге по Москве целый месяц разъезжать. Если она из него сейчас копытом дух не выбьет.

– Это как?

– Чего как? – спросил дворник.

– Семен-то кто? – спросил я.

– Семен – мент наш. Конная полиция. Они здесь, у нас патрулируют, все такое. С Хельгой. Год или два уже, не помню. Сменщик у него – Скворцов, забыл, как зовут. Скворцов, короче. Тоже на Хельге ездит. Но он не любит на Хельге, когда можно не ездить и туристов нету, то Скворцов просто тут по округе болтается. А Семен любит. Он вообще Хельгу любит. Говорят, от него жена ушла, весь он такой на конях был помешанный. Говорит, не хочу дерьмо конское всю жизнь нюхать. Вот и ушла. Семену-то взятки где взять? Нигде. Кто менту на коне взятку-то даст? Хотя.., хотя, может, треплют все про Семена. Я не знаю. Откуда мне правду знать?

Настя повернулась вполоборота ко мне. Я кивнул. Мы оба думали об одном и том же. Опять жена от кого-то ушла. Сначала ветеринар на белорусской границе, теперь вот Семен.

Полицейские попробовали новую тактику. Тот, который держал лошадь, перестал брать трап с разбега, и просто стал похлопывать животное ладонью по крупу. Остальные полицейские встали в ряд по краям трапа, чтобы закрыть собою пути к отходу. Но не сработало. Лошадь оттолкнула плечом полицейских и спрыгнула с трапа. На парковке прибывало народу, и все тормозили посмотреть, что же дальше будет с лошадью и полицейскими. Последние поняли, что за ними теперь внимательно смотрят и посмеиваются и решили перекурить. Самый лысый из них раздал остальным по сигарете.

– Семена им звать надо, – сказал дворник. Только он за-

ведет Хельгу. А Семен пьет. Как его звать-то?

– А чего пьет? Или он всегда это?

– Он не пьет. Ну я не видел. Он только сейчас пьет. Ну ты прикинь просто. Он два года с Хельгой был. Дерьмо за ней чистил. Пальцем камни из подков доставал. Брал вот так вот ногу у лошади, взади становился и пальцем выскребал. И Хельга ему ни разу в лоб не щелкнула. Короче, у них такая любовь была, что я тебе скажу, он жену наверно так свою не любил.

– Ну понимаю, да. Так ее же вернут, Хельгу-то? Праздники того и обратно? Или не?

– Не знаю. Семен пьет, может он больше знает. Может он знает, что не вернут. Вот и пьет. Я бы тоже пил.

– А почему этого Семена тоже в Москву не определили? Я думала, если ты с лошадыю, то ты всегда с ней. Они же привязываются. – спросила Настя.

– Ну тут как назначат. С собаками разные менты ходят же. С лошадями значит тоже.

– Какая-то это простая слишком история, – сказала мне Настя, когда дворник ушел восвояси. – Ну назначьте вы этого Семена с Хельгой вместе и все. Справятся лучше. И пить никто не будет. И страдать.

– В полиции любят шекспировскую драму, – сказал я. – И в конце все должны умереть. И Семен от перепоя, и Хельга, оттого, что разобьет вон тому лысому копытом череп и ее пристрелят.

– Я тебе сейчас влуплю, Рома, – сказал мне Настя. – Не говори так.

– Надо Хельгу спасать, – сказал я и пошел говорить с полицейскими. Нет, я вовсе не смелый и от людей в форме у меня душа всегда в пятках, но ведь мне же потом писать книжку. А о чем еще писать, как не о своих геройских поступках по спасению лошади и запойного всадника?

– Помочь может? – спросил я полицейских, когда подошел поближе – В линию тоже могу встать.

– Да не, справимся, – ответил один из копов.

– Дворник вон говорит, что вам Семена звать надо, – только так и получится лошадь внутрь загнать, – сказал я. – Вы уж меня простите, что лезу. Переживаю просто.

– Да мы справимся, правда, – сказал другой полицейский. Голос у него был раздраженный, но мне-то что? Мне потом книжку писать, меня раздражением не напугать.

– Слушайте, ребят, а как так, что два года лошадь с одним наездником, а потом так вдруг и переводят ее, а хозяина, ну то есть наездника ее, тут оставляют. Мне вот дворник рассказал, что разъединили их. Семена вашего и Хельгу. Так, может, Семена-то тоже в Москву и всё, проблемы нет. Вы там позвоните, куда надо. Скажите: «Капитан Херов, у нас тут рацпредложение» и все такое. Глядишь и Семен пить перестанет.

Полисмены переглянулись, видимо вспоминали, кто из них старше по званию, чтобы хорошенько отшить болтливо-

го меня. Старшего по званию не оказалось, если судить по лицам, все парни были срочниками внутренних войск России.

– Да мы понимаем, – сказал один из полицейских. – Нам и самим оно надо эту кобылу пихать в вагон? Но сказали так.

– А Семена знаете?

– Нет, мы сегодня только здесь. Забрать коня и доставить.

– Так если позвать? Он поможет, – сказал я.

– Не. Сейчас придумаем что-нибудь.

– Приманить бы чем-нибудь, – сказал я.

– Мы кидали ей сена внутрь. Не идет.

Подошла Настя и потянула меня за руку назад.

– Пойдем. А то они сейчас дойдут еще до мысли, что ее шлепнуть или стукнуть надо, чтобы внутрь зашла. Я не хочу на это смотреть.

– Да не. Ребята-то нормальные вроде. Понимают, что тогда коняга вообще никуда не пойдет. Семен – их спасение.

– То есть ты хочешь, чтобы этот самый Семен вылез из пьяного сна своего и помог свою любимую лошадь увезти от него подальше. Это будет сильнее Шекспира. Боюсь, я тогда буду плакать.

– Да, я тоже, – сказал я. – Ладно, поехали. Оставим разлуку Семена и Хельги на совести российской милиции. Надеюсь, через месяц ее все же вернут обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.